

0633

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кейт Хьюит

**НЕ БОЙСЯ
БЫТЬ МОЕЙ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кейт Хьюит

Не бойся быть моей

Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 633

Серия «Невесты Маракайосов», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19966044

Не бойся быть моей: Центрполиграф; М.; 2016

ISBN 978-5-227-06824-8

Аннотация

Линдсей всю жизнь прожила под гнетом страха – после того, как мать оставила семью, у нее начались панические атаки. Со смертью отца осталось лишь тяжелое, невыносимое одиночество, и она бежит в большой город, чтобы скрыться от преследующих ее грустных мыслей. И там она встречает своего спасителя. Он красив, чуток и умен, и он любит ее. Но достаточно ли одной любви для полного счастья? И что победит в этой схватке самых сильных чувств – любовь или страх?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кейт Хьюит

Не бойся быть моей

The Marakaios Marriage © 2015 by Kate Hewitt

«Не бойся быть моей» © «Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2016

Глава 1

– Привет, Линдсей, – неожиданно раздалось над ухом.

Боже, как могло это невинное приветствие заставить ее вздрогнуть и испытать два чувства одновременно: невероятную радость и ни с чем не сравнимый ужас? Голос принадлежал мужчине, которого она когда-то обещала любить, почитать и кому по закону принадлежала – ее мужу, Антониосу Маракайос.

Подняв глаза от компьютера, Линдсей Дуглас окинула его взглядом, не упуская ни малейшей детали – такое знакомое лицо казалось сейчас каким-то чужим: глаза смотрели холодно и напряженно, уголок рта изогнулся. И все-таки один только его вид сводил с ума, и девушка невольно сжала ладони на коленях в кулаки. Нужно было что-то сказать, и она выпалила первое, что пришло в голову:

– Как ты сюда попал?

– Ты имеешь в виду охрану? – Голос его звучал надменно, но карие глаза излучали огонь и были похожи на тлеющие угольки. – Сказал, что я твой муж, и меня пропустили.

Облизав пересохшие губы, Линдсей заставила себя думать рационально, хотя мысли разлетались, точно бабочки.

– Это было лишним, – произнесла она. – Тебе здесь делать нечего, Антониос.

– Нет? – переспросил мужчина, уголок рта его дернулся

вниз, отчего на лице застыло надменное, даже жестокое выражение. – Нечего сюда приходить, чтобы увидеться с женой?

Линдсей собрала всю силу воли и встретила его пылающий негодованием взгляд.

– Все кончено.

– Я прекрасно это понимаю, Линдсей. Ведь прошло шесть месяцев с тех пор, как ты ушла, даже не предупредив меня о своем решении.

В голосе его прозвучало обвинение, но Линдсей решила не принимать вызов: зачем, если все и впрямь кончено?

– Я просто имела в виду, что учебные корпуса закрыты и у всех входов дежурит охрана, – ответила она спокойно, хотя чувства ее были в смятении.

Воспоминания внезапно налетели на нее, точно стая чаек, поднявшихся в воздух, кричащих резкими, требовательными голосами – то, что Линдсей старательно заставляла себя забыть в течение полугода, вновь ожило: как муж обнимал ее, когда они занимались любовью, как заправлял ей за ухо локон, брал ее лицо в ладони и целовал веки. Какой счастливой и любимой она чувствовала себя в его руках. Но это неправильный ход мыслей. А как же те три месяца одиночества и подавленности, проведенные в его доме в Греции, когда Антониос внезапно с головой окунулся в работу, ожидая от жены, что она привыкнет к образу жизни, ей абсолютно чуждому и даже пугающему? Какое отчаяние и пустоту ощу-

щала тогда Линдсей – и наконец настал момент, когда стало страшно даже помыслить о том, что придется остаться хоть на день.

– Все равно не понимаю, почему ты здесь, – повторила де-вушка, вставая и упираясь руками в стол, чтобы поравняться с мужчиной и ответить на его взгляд – хотя даже стоя это было трудно, Антониос был выше ее сантиметров на двадцать.

Один только взгляд на него пробудил давнее желание. Муж ее был очень хорош собой: иссиня-черные волосы, мужественный подбородок, чувственные губы. А под серым шелком костюма – прекрасное, совершенное тело, точно вышедшее из-под резца скульптора. Такое знакомое тело... Воспоминания о единственной прекрасной неделе вдвоем снова нахлынули на Линдсей, и она усилием воли прогнала их, встретив ироничный взгляд Антониоса, вопросительно приподнявшего бровь.

– Ты и вправду не понимаешь, с чего я вдруг приехал, Линдсей?

– Прошло шесть месяцев, Антониос, – холодно ответила она. – А ты ведь и сам не очень-то искал меня. Так что мое удивление оправдано.

– Ты не думала, что когда-то я потребую ответов?

– Я тебе объяснила...

– Два предложения, отправленные по электронной почте, нельзя считать объяснением. Ты сказала, что наш брак – это ошибка, и даже не пояснила свои слова. Это просто подло. –

Он поднял руку, чтобы заставить ее молчать, хотя Линдсей и не могла найти слов, чтобы возразить. – Но ты не беспокойся. Мне сейчас неинтересны твои мысли по этому поводу. Ты права, все кончено – с того момента, как ты сбежала не сказав ни слова. Но я хочу, чтобы ты снова вернулась в Грецию.

Онемев от шока, Линдсей покачала головой:

– Не могу...

– О, ты сможешь, Линдсей. Просто упакуешь сумку и сядешь в самолет. Это легко.

Она снова покачала головой, так и не обретя дар речи. При одной мысли о возвращении в Грецию сердце забилося сильнее, а в висках застучала кровь. Нужно дышать ровно и спокойно, так говорилось в книгах по аутотренингу.

Антониос смотрел на нее холодным, оценивающим взглядом из-под прищуренных век, его губы были сжаты. Линдсей же пыталась восстановить дыхание: вдох, выдох. Бросив беглый взгляд на мужа, беззастенчиво разглядывающего ее, она не смогла отвести глаз, и теперь они стояли, глядя друг на друга. Даже в гневе он был красив. Помнится, когда они впервые встретились в Нью-Йорке, в черных волосах его были снежинки, на губах играла лукавая улыбка. Линдсей же стояла на Пятой авеню, не в силах отвести взор от белых спиралей на здании Музея Соломона Гуггенхайма¹. Он тогда произнес:

¹ Музей искусства в США, одно из ведущих собраний современного искусства в мире.

– Я не знаю, куда идти. Или мне так кажется.

Но тогда именно она, Линдсей, не знала, куда ей идти и что делать: смерть отца стала для нее ударом, и страх, одиночество и горе атаковали разом. А потом она полностью растворилась в нем, в его очаровательной улыбке, теплом взгляде – он смотрел на Линдсей так, точно она была самой прекрасной и необычной женщиной в мире. Целую неделю они утопали друг в друге. Затем настал момент отрезвляющей реальности.

– Позволь уточнить, – очень спокойным и ледяным тоном сказал Антониос. – Ты поедешь в Грецию. Я твой муж, и я тебе приказываю.

Линдсей замерла.

– Ты не можешь распоряжаться мной, Антониос, я не твоя вещь.

– В Греции традиции брака немного иные, нежели в Америке, Линдсей.

Она сердито покачала головой:

– Не настолько.

– Может, и так, – пожал плечами муж, – но ты ведь хочешь развода?

Внезапная перемена темы удивила ее.

– Развод?

– Ты ведь поэтому и ушла, не так ли? Не хотела больше продолжать со мной отношения. – Мужчина улыбнулся, и Линдсей едва не вздрогнула, увидев его лицо – холодное, от-

страненное и даже чуточку хищное.

Слова о разводе больно ранили ее, но, наверное, она и впрямь должна этого хотеть. В конце концов, она ушла от мужа.

Все эти полгода после отъезда из Греции она погружалась в теорию чисел, заканчивая докторскую по математике. Работа позволяла забыть о тоске по мужу, точнее, по тому Антониосу, который целую неделю так был с нею нежен. Линдсей старалась начать все сначала, снова общаться с людьми, контролировать постоянно мучившую ее тревогу. И она даже преуспела: были моменты, а порой и дни, когда она вновь ощущала себя нормальным человеком, довольным жизнью.

– Да, – тихо ответила она, подняв подбородок и встретив его взгляд. – Я хочу закончить наши отношения.

– Развестись, – безжалостно подытожил Антониос, и девушка вздрогнула, но не отвела глаз.

– Да.

– Тогда, Линдсей, – продолжил он вкрадчиво, – ты должна сделать так, как я прошу. Точнее, приказываю. Потому что по законам моей страны, ты не можешь получить развод в одностороннем порядке.

Глаза Линдсей расширились от удивления.

– Должны быть какие-то иные обстоятельства.

– Ну да, они есть. Их два. – Он саркастически улыбнулся. – Измена и уход одного из супругов. Но я не совершал ни

того, ни другого, так что ко мне это все неприменимо.

Она вновь вздрогнула, и Антониос не преминул это отметить, уголок его рта дернулся вновь.

– Почему ты хочешь, чтобы я вернулась в Грецию, Антониос?

– Не бойся, не затем, чтобы вновь стать моей женой. – Он презрительно посмотрел на нее. – У меня нет ни малейшего желания возобновлять с тобой отношения.

Ну, конечно, с чего бы ему хотеть этого. Ведь Линдсей сама так решила, она выбрала этот путь. Но почему тогда ей больно от этих слов?

– Тогда отчего?

– Моя мать, как ты, может быть, помнишь, была без ума от тебя. Она не знает, почему ты уехала, да я ее и не стал разочаровывать новостью о нашем разрыве.

У Линдсей перехватило дыхание. Дафна Маракайос всегда была добра к ней, но этого было мало для того, чтобы остаться там.

– Почему ты ей не сказал? – спросила Линдсей. – Прошло уже полгода, ты не можешь держать это все в секрете вечно.

– Почему бы тебе самой все ей не рассказать? – отбил муж. – Ах, я забыл, ты же любишь наносить удары в спину. Убегать из дома и моей постели, даже не объяснив, почему ты хочешь развестись.

Линдсей глубоко вздохнула. Сказать ему, сколько раз она пыталась все объяснить? Наверное, сейчас не имеет смысла.

– Я понимаю, что ты зол...

– Я не злюсь, Линдсей. Это обычно делают те, кто испытывает какие-то чувства, а мне уже все равно. – Он встал. – Я перестал любить тебя, получив то письмо, и когда на мой звонок ты ответила лишь, что наш брак был ошибкой. Этим ты показала мне, что ни в грош не ставишь меня и наши отношения.

– А ты показал, что ни в грош не ставишь их, еще в Греции, – выпалила Линдсей прежде, чем смогла одуматься.

Антониос медленно повернулся, глядя на нее изумленными глазами.

– Неужели ты винишь меня в таком исходе? – спросил он.

– Ах, конечно нет, – бросила Линдсей, уже не выбирая слов. – Как я могу это сделать? Как вообще можно тебя в чем-то обвинять? У тебя ведь не было никаких обязательств передо мной.

Муж смотрел на нее, и Линдсей едва не рассмеялась, поняв, что он пытается истолковать ее слова, даже не чувствуя сарказма. Но тут он пожал плечами и ответил:

– Мне все равно, каковы бы ни были твои причины. Но моей матери – нет. И поскольку она больна, я решил не огорчать ее и не рассказывать, как и почему ты ушла.

– Больна?

– Рак снова вернулся, – жестко отрубил Антониос. – Спустя месяц после твоего ухода пришли анализы.

Линдсей в ужасе смотрела на него. Она знала, что Дафна

находится в ремиссии после рака груди, но перспективы казались неплохими.

– Антониос, мне так жаль. Это... это излечимо?

С непроницаемым лицом муж пожал плечом:

– Нет, насколько я знаю.

Девушка бессильно опустилась в кресло. Хорошая Дафна, с белоснежными волосами и мягким голосом, деликатная и тактичная, успела за короткий промежуток времени завладеть ее сердцем, и Линдсей искренне горевала. Как, наверное, страдает Антониос – он ведь обожает мать. Это было ударом, а она, его жена, даже не была рядом, чтобы поддержать и утешить его в горе. С другой стороны, останься она в Греции, нужна бы была ему ее поддержка?

Вернувшись мыслями к Греции, Линдсей поняла, что она не готова вернуться туда – еще живы были прежние страхи и воспоминания о несчастных днях, проведенных в одиночестве.

– Антониос, – тихо произнесла она. – Мне очень, очень жаль твою маму, но я не могу вернуться.

– Можешь и вернешься, – безапелляционно возразил муж. – Ты же хочешь получить развод.

Она в отчаянии покачала головой:

– Тогда я не буду требовать развода.

– В таком случае ты моя жена, и твое место рядом со мной, – жестко ответил Антониос и отвернулся. – По-твоему никак не выйдет, Линдсей.

– И что изменится, если я увижу твою мать? Как это ей поможет? – спросила она. – Я лишь причину ей боль, сказав, что мы расстались...

– Но я и не хочу, чтобы ты ей это говорила, – вновь повернулся к ней мужчина, насквозь прожигая ее взглядом. – Похоже, маме осталось несколько месяцев, а может, и меньше. Я не собираюсь ее расстраивать. Несколько дней, неделю максимум, ты сможешь сделать вид, что мы счастливы в браке.

– Что? – Линдсей, не веря своим ушам, посмотрела на Антониоса, а тот натянуто улыбнулся.

– Разве это так уж сложно? Ты уже однажды доказала, какой прекрасной актрисой являешься, когда сделала вид, что любишь меня.

Он смотрел на прекрасное лицо жены – даже бледность ей к лицу – и подавил в себе жалость. Она выглядела такой потерянной, загнанной в ловушку – что таить, она была просто в ужасе от перспективы того, что придется возобновить отношения и вернуться в Грецию.

Хотя, разумеется, ни о каких отношениях не может быть и речи. Это будет просто спектакль, ради мамы. Антониос отнюдь не намерен видеть Линдсей в постели после такого предательства. Нет, он заберет ее на несколько дней с собой, а потом они расстанутся навсегда... по-видимому, она лишь этого и хочет. Что ж, он тоже.

– Несколько дней? – растерянно повторила Линдсей. – И

этого хватит?

– У моей мамы именины на следующей неделе, – пояснил Антониос.

– Именины?

– В Греции большее внимание уделяют именинам, а не дням рождения. Моя семья хочет устроить особый праздник, учитывая все сложившиеся обстоятельства. – Антониос внезапно замолчал, не в силах говорить дальше от нахлынувших эмоций.

Грудь точно сковали горячим обручем. Невозможно было представить их виллу без матери. Однажды точно так же их покинул отец – и его утрату было тоже тяжело перенести. Отец создал виноградник и всю жизнь управлял им, а мама – мама была душой плантации. Теперь, когда ее не станет...

Но ведь и его душа тоже покинула его, подумал Антониос. Его жена, на чью любовь он рассчитывал, полагая, что они будут счастливы вместе. Какая ирония судьбы. Но пора привыкнуть к тому, что люди не оправдывают ожиданий. Этот урок дался ему нелегко.

– У нас будет праздник, – продолжил он, стараясь говорить ровно. – Родные, друзья, соседи. И ты будешь там, а потом можешь возвращаться сюда, если захочешь. Я скажу маме, что тебе нужно закончить исследование.

Антониос знал, что Линдсей пишет докторскую по математике: уезжая, она сказала, что ей нужно разрешить несколько дел в Нью-Йорке. Он полагал, что она будет отсут-

ствовать пару дней, ведь, по ее словам, исследование можно было проводить в любом месте, и в Нью-Йорке ей было оставаться вовсе не обязательно. Но, видимо, и это оказалось ложью.

Линдсей побледнела и поднесла руку ко рту.

– Вечеринка? Антониос, прошу, нет, я не смогу.

Ярость закипела в нем.

– Что я такого тебе сделал? – тихо проговорил он, едва сдерживая гнев. – Что ты так со мной поступаешь? Неужели моя семья совсем ничего для тебя не значит? Мы приняли тебя с распростертыми объятиями.

Антониос отвернулся, чтобы не показывать ей своих эмоций. Он ведь сказал, что его не волнуют ее чувства, так что не стоит проявлять слабость. Собравшись с духом, он вновь заговорил бесцветным голосом:

– Моя мать любила тебя, как родную дочь. И вот так ты собираешься ей отплатить?

Слезы заблестели в глазах Линдсей, и она так отчаянно покачала головой, что Антониосу на миг стало вновь ее жаль. Но он вовремя одернул себя.

– Нет, конечно нет, – произнесла она, положив ладонь на горло, – я была очень благодарна твоей маме за ее доброту.

– Однако ты забавно это показываешь.

Линдсей гневно сверкнула глазами, и это удивило мужчину – она еще на что-то злится? Да ведь это она его бросила!

– Даже если и так, – тихо произнесла она, – для меня труд-

но вернуться в Грецию.

– Почему же? Что, любовник ждет где-то здесь?

Она в шоке посмотрела на мужа.

– Любовник???

Антониос неопределенно пожал плечами, будто для него подобная мысль была чем-то само собой разумеющимся. Однако лишь представив Линдсей рядом с другим мужчиной, нарушающей их свадебные клятвы, он едва сдержался, чтобы не ударить кулаком по столу.

– Я не знаю, какой еще может быть причина такого твоего внезапного отъезда из Греции.

«От меня», – так и хотелось добавить ему, но он промолчал.

Линдсей медленно покачала головой, глядя на него во все глаза, хотя было трудно понять, что она испытывает.

– Нет, – тихо ответила она. – У меня нет любовника. Ты был для меня единственным, Антониос. Все это время.

Но, очевидно, чего-то ей все же не хватало. Стоит ли ей вообще верить? Не имеет значения. Он произнес:

– Тогда почему бы тебе не вернуться в Грецию?

– Мое исследование...

– Не может подождать неделю? – бросил он, снова вспыхивая.

Неужели она не понимает, как жестоко и эгоистично себя ведет?

Даже сейчас, спустя шесть месяцев после отъезда жены,

Антониос был поражен ее обманом – он ведь безоговорочно поверил в то, что она его любит. Хотя они тогда знали друг друга всего неделю – решение о браке было импульсивным, даже чуточку сумасбродным, но он ведь был так уверен в Линдсей и полагал, что тоже ее любит.

Каким дураком он был.

Она смотрела на него, бледная и несчастная.

– Неделя, – произнес Антониос, – всего семь дней. А потом мы никогда не увидимся.

При этих словах Линдсей вздрогнула, точно от боли, и он усмехнулся:

– Разве тебя не радует такая перспектива?

Она отвернулась, сжав губы.

– Нет, – произнесла она наконец. – Не радует.

Антониос медленно покачал головой.

– Я тебя не понимаю.

– Я знаю. – Она прерывисто вздохнула. – Ты никогда не понимал.

– И ты винишь меня?

Линдсей устало покачала головой:

– Уже поздно выяснять, кто прав, кто виноват, Антониос. Это так. Точнее, было так. Наш брак был ошибкой, как я тебе и сказала в письме и по телефону.

– Но ты так и не объяснила почему.

– А ты и не спрашивал, – резко ответила Линдсей, и Антониос нахмурился.

– Я спросил тебя тогда по телефону...

– Нет, – тихо ответила Линдсей, – ты не спрашивал. Ты лишь хотел знать, серьезно ли я это говорю, и я ответила «да». А ты повесил трубку.

Антониос пристально посмотрел на нее, сжав зубы так сильно, что заболела челюсть.

– Ты меня бросила, Линдсей, не я.

– Я знаю.

– А теперь ты хочешь сказать, что наш брак был ошибкой, потому что я не задал тебе нужных вопросов, когда ты меня бросила? Боже! Это же невероятно!

– Я ничего такого не имела в виду, Антониос. Я просто напомнила тебе, как все было.

– Тогда позволь и мне кое-что напомнить. Мне неинтересны твои объяснения. Все в прошлом. Единственное, что меня сейчас интересует, Линдсей, – это твое согласие. Рейс в Афины сегодня вечером. Если мы намереваемся вылететь на нем, нужно уезжать через час.

– Что? – Она посмотрела на него в изумлении. – Я еще даже не согласилась.

– Ты хочешь развод?

Линдсей посмотрела на мужа, горделиво вздернув подбородок, серые глаза ее были холодными.

– Не думай, что можешь шантажом вынудить меня согласиться, Антониос, – сказала она. – Я полечу в Грецию не от того, что хочу получить развод, а потому, что хочу отдать

дань уважения твоей маме, объяснить ей...

– Не думай, – оборвал ее Антониос, – что сможешь рассказать ей слезливую историю о нашем разрыве. Не хочешь ее расстраивать.

– А когда ты намерен сказать ей правду?

– Никогда, – коротко бросил мужчина. – Ей недолго осталось жить.

Слезы вновь заблестели в глазах девушки, отчего те стали казаться серебристыми.

– Ты и впрямь думаешь, так будет лучше? Обмануть ее...

– Тебя и вправду так беспокоит перспектива обмана? Можно подумать, ты сама никогда...

– Я не обманывала тебя, Антониос. Я любила тебя – по крайней мере, тогда, в Нью-Йорке, пусть это и была одна неделя.

Антониос почувствовал себя так, точно его сердце остановилось при этих словах, и едва не приложил руку к груди. Его отец умер от сердечного приступа в пятьдесят девять. Может, и его ждет когда-нибудь та же участь? Но сейчас боль была не физической, а душевной. Но он решил прояснить ситуацию до конца:

– Что же было потом? Любовь прошла?

Он знал, что не следовало задавать подобных вопросов: ему должно быть все равно. Он сказал Линдсей, что время объяснений прошло, и так оно и было.

– Ладно, забыли, – бросил он. – Не имеет значения. Не

важно, какую причину ты выберешь для визита в Грецию, главное – будь готова через час.

Линдсей посмотрела на него долгим взглядом – такая красивая, хрупкая, а ведь когда-то он мог прикоснуться к ней, держать ее в объятиях.

– Хорошо, – тихо и покорно сказала она.

С трудом поборов импульс броситься к ней, Антониос отвернулся. Линсей собрала вещи и, не взглянув на мужа, молча выскользнула из комнаты.

Глава 2

На студенческий кампус гуманитарного факультета спускались сумерки. Линдсей шла мимо статных кирпичных зданий, позолоченных лучами угасающего вечернего солнца, не замечая их красоты, хотя в такие часы колледж по праву заслуживал звание одного из самых примечательных местечек на северо-востоке Америки. За ней, точно зловещая тень, следовал Антониос, и она ощущала его гнев и негодование.

Они миновали несколько учебных корпусов. Возле некоторых нежились на солнышке студенты, наслаждаясь последним октябрьским теплом. Колледж был в пригороде Нью-Йорка, и сюда только-только пришла первая прохлада, листья лишь начинали желтеть, но после долгого жаркого лета все с радостью встретили осень.

– Где ты живешь? – спросил Антониос.

– Через улицу, – тихо проговорила девушка.

Напротив в ряд стояли дома для преподавателей колледжа, обшитые вагонкой, покрашенные в яркие цвета и с крылечком, на котором стоял шезлонг или кресло-качалка. Линдсей любила сидеть вот так перед домом, наблюдая за людьми вокруг... Ее жизнь была неким подобием театрального зала, в котором она всегда была зрителем, не поднимаясь на сцену. Так продолжалось до встречи с Антониосом. Он словно разбудил ее ото сна, показал, что значит жить.

Они взошли на крыльцо, и она принялась искать ключи. Антониос стоял рядом и ждал. Его присутствие явно сказывалось на Линдсей: она с удивлением ощутила, что руки трясутся и она не может вставить ключ в скважину. Дело было не только в его близости, все эти новости, что Антониос бросил ей в лицо, мешали сосредоточиться, заставляя снова и снова обдумывать предстоящие перспективы: возвращение в Грецию, встречу с родными мужа, необходимость разыгрывать из себя счастливую молодую жену, вечеринки и обеды, званые вечера, где она будет в центре внимания...

– Позволь, я помогу, – произнес муж внезапно, и, к удивлению Линдсей, голос его прозвучал мягко.

Взяв ключ из ее рук, он вставил его в скважину и повернул, а затем открыл дверь.

Пробормотав слова благодарности, она вошла в душную и пыльную прихожую отцовского дома. Странно было входить сюда с Антониосом – он никогда не видел, какой была жизнь Линдсей до встречи с ним.

Она включила лампы, осветив узкий коридор, в котором едва помещались книжные полки, прильнувшие к каждой стене, и на каждой громоздились книги. На полу их было еще больше, и стопки угрожали вот-вот рассыпаться, на столе не было свободного места от учебников и документов. Линдсей привыкла к этому интерьеру и перестала замечать беспорядок. Но сейчас вдруг ощутила неловкость, понимая, каким, должно быть, маленьким и неубранным кажется ее гостю от-

ЦОВСКИЙ ДОМ.

Она направилась к лестнице.

– Пойду упакую вещи.

– Тебе помочь?

Удивленная такой заботливостью Антониоса, Линдсей повернулась к нему. С чего бы ему ее опекать?

– Нет, – ответила она. – Я справлюсь.

Антониос приподнял бровь.

– Ты уверена, Линдсей? Только что твои руки так тряслись, что ты не могла открыть дверь дома.

Она замерла, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– Может быть, это оттого, что ты сердишься на меня, Антониос, и я это чувствую.

Уголок его рта дернулся.

– А ты считаешь, я не должен на тебя сердиться?

Линдсей закрыла глаза, чувствуя, как ее охватывает усталость.

– Не хочу снова начинать спор. Мы ведь уже решили, что это бессмысленно. Я просто...

– Констатировала факт, – закончил за нее Антониос, и в голосе его явственно прозвучала ирония. – Ну конечно. Прости, что не могу разрядить обстановку.

Линдсей лишь покачала головой – она слишком устала, чтобы спорить.

– Прошу тебя, давай не будем препираться и оскорблять друг друга. Я лечу в Грецию, как ты и хотел. Неужели этого

недостаточно?

В глазах его вспыхнул злой огонек, а к щекам прилила кровь. Он шагнул к ней и произнес:

– Нет, Линдсей, этого совершенно недостаточно. Но, так как я действительно просил от тебя только этого и ты, по-видимому, не можешь обещать мне ничего большего, мне придется довольствоваться тем, что есть.

Он посмотрел на нее долгим испытующим взглядом, и Линдсей услышала вдруг собственное прерывистое дыхание и биение сердца. Ей некуда было деться от его глаз, его презрения, и в ней самой закипал бессильный гнев. Куда делась та страсть, что объединяла их когда-то – когда все было совершенно иначе в их отношениях? Когда муж обнимал ее, заставляя ее парить в небесах от счастья. Когда она полагала, что любит его.

Антониос отвернулся, и она, вздохнув с облегчением, пошла вверх по лестнице.

Вытаскивая чемодан из кладовки, Линдсей старалась дышать ровно и медленно. Она сможет это сделать. Она должна – не оттого, что ей нужен развод, а потому, что она обязана Дафне. Ее мать отвернулась от нее, когда она была еще ребенком, и доброта матери Антониоса была для нее точно источник воды в пустыне.

Ступени лестницы заскрипели, и послышался голос мужа:

– Линдсей!

Антониос появился на пороге комнаты – широкоплечий,

высокий, он точно раздвинул стены ее скромного жилища.

– Нам нужно торопиться.

– Я постараюсь побыстреей.

Она начала бросать вещи в чемодан, думая при этом, что в ее гардеробе вряд ли найдется что-то подходящее для вечеринок, которые придется посещать. Званные обеды, вечер в честь Дафны... Будучи самым крупным землевладельцем и бизнесменом в окрестностях, Антониос не пропускал ни одного общественно значимого события, и его календарь пестрил датами. И от жены он ожидал исполнения роли хозяйки поместья – а это означало организацию банкетов, способность непринужденно вести светскую беседу, быть очаровательной, сиять красотой и всегда быть рядом – вот только сам он частенько уезжал в командировки.

– Ты оставила много одежды у меня, – сказал Антонио.

В памяти всплыл гардероб в спальне и красивые вещи, что муж купил ей еще в Нью-Йорке, до возвращения домой. Линдсей и позабыла о них, а ведь они висят в шкафу, ожидая ее приезда, точно она никуда и не пропадала.

– Я принесу туалетные принадлежности, – произнесла она и направилась в ванную. По пути нужно было проскользнуть мимо Антониоса, и едва развернувшись в узком проеме двери, она ощутила аромат его бальзама после бритья и почувствовала легкое прикосновение его могучего тела к груди. На долю секунды ей захотелось броситься в его объятия, почувствовать жар его тела, тепло губ на своих губах, то чувство,

что ты желанна и любима.

Антониос подвинулся, пропуская ее. Линдсей облегченно вздохнула и, быстро проскользнув мимо, закрылась в ванной комнате, раздираемая противоречивыми чувствами: радостью оттого, что все обошлось, и отчаянием от осознания, что подобный миг не повторится.

Десять минут спустя чемодан был упакован, и Антониос отнес его к арендованной машине, ожидающей их на парковке колледжа. Линдсей, устроившись на кожаном сиденье, откинулась на спинку, ощущая себя невероятно уставшей.

– Тебе не нужно никого предупредить? – спросил ее муж. – Сказать, что ты уезжаешь.

– Нет.

После смерти отца прошлым летом Линдсей перестала работать ассистентом преподавателя на вступительных курсах, так что ее присутствие на работе не требовалось.

– Никто не станет беспокоиться? – спросил Антониос. – Интересоваться, куда ты пропала?

– Я напишу коллегам. Они поймут.

– Ты им рассказывала обо мне?

– Ты же знаешь, что да, – отозвалась Линдсей. – Мне нужно было объяснить, почему я ушла с работы, оставила дом и переехала в Грецию.

Руки Антониоса, лежащие на руле, напряглись.

– Это был твой выбор, Линдсей, – наконец ответил он.

– Я знаю.

– Ты сказала, что тебя ничто не держит в Нью-Йорке.

– Тогда я именно так и думала.

Антониос мельком взглянул на нее; видно было, что он хочет что-то добавить, но сдерживается.

В течение трехчасовой поездки до Нью-Йорка оба молчали. Антониос вернул машину в прокат и принес чемоданы в аэропорт. Зарегистрировавшись, они в мгновение ока очутились в салоне первого класса, где стюарды предлагали шампанское и канапе.

Как нелепо было сидеть в этой роскоши с бокалом шампанского в руке – точно они молодожены в медовый месяц, нежно любящие друг друга. Линдсей бросила украдкой взгляд на мужа – его темные брови были сведены на переносице, а губы сжаты, – и внезапно ей захотелось сказать какую-нибудь глупость, чтобы рассмешить его.

– Кто-нибудь знает? – спросила она, и Антониос бросил на нее подозрительный взгляд.

– Знает что?

– Что мы... расстались.

Губы Антониоса сжались в полоску.

– Мы вообще-то официально и не расставались. И никто ни о чем не знает.

– И твои сестры тоже? – настойчиво продолжала Линдсей.

У Антониоса было три сестры: властная, уверенная в себе Парфенопа – она была замужем и имела сына, общительная восторженная Ксанте и Ава, ровесница Линдсей, но во всем

остальном резко отличавшаяся от нее. Линдсей так и не удалось наладить с ними контакт: девушки считали себя ответственными за младшего брата и к его американской невесте отнеслись с подозрением и осторожностью. Они по команде Антониоса уступили новой хозяйке дома ведение всех дел – это было знаком уважения, по словам мужа. Но Линдсей казалось, что они презирают ее. Они легко управлялись с ведением поместья и организацией бесчисленных приемов, но это было тяжелым бременем для Линдсей, и сестры это видели, а Антониос – нет.

И вот теперь ей предстоит вновь встретиться с ними, почувствовать на себе их взгляды, следящие за каждым ее шагом, отвечать на их вопросы...

– Неужели тебе так неприятно думать о моих родных? – спросил Антониос, наблюдавший за ней, и Линдсей замерла.

– Нет...

– Потому что, – небрежно бросил он, не выбирая слов, – ты выглядишь так, точно тебя сейчас стошнит.

– Ничего подобного, – отпарировала Линдсей, вздыхая. – Но я начинаю нервничать при мысли о встрече с ними, Антониос.

– А они приветствовали тебя с распростертыми объятиями, – оборвал он ее, пожимая плечами.

– По твоей просьбе.

Антониос приподнял бровь.

– А это так важно?

Линдсей едва не задохнулась от негодования.

«Еще бы!» – так и хотелось крикнуть ей, но она сдержалась, зная, что спорить с ним бессмысленно. Вслух же она произнесла:

– Не думаю, что им понравился твой выбор супруги. Они бы предпочли кого-то из твоего окружения.

Да, покорная жена-гречанка, умеющая делать все то, что она, Линдсей, не могла.

– Возможно, – согласился Антониос. – Но они приняли тебя, зная, что я люблю свою невесту.

Она не ответила. Неужели Антониос не видел, с каким подозрением его сестры посматривали на нее? Но сейчас она не стала объяснять все это мужу, он и так выглядит разозленным.

– Что, нечего сказать? – поддел ее Антониос.

Она лишь пожала плечами, делая глоток шампанского. Напиток показался ей кислым.

– Нет, я ничего не хочу говорить.

Губы Антониоса снова сжались, и он отвернулся, глядя в огромное окно, за которым виднелась взлетно-посадочная полоса. Линдсей украдкой смотрела на него, и отчаяние в ее душе мешалось с желанием быть с ним рядом. Она говорила себе, что напрасно так страдает. Линдсей была математиком и верила в четкие доказательства, факты, логику. Любовь с первого взгляда в ее понимании просто не существовала. В своих исследованиях она порой натыкалась на странные, по-

что необъяснимые связи между числами, но они с Антониосом не были числами, и разум ее настаивал на том, что любви между ними быть не могло, хотя сердце подсказывало другой ответ.

– Может, ты никогда не любил меня по-настоящему, Антониос, – тихо произнесла она.

Мужчина вздрогнул от неожиданности и обиды.

– Ты поэтому уехала? Решила, что я тебя не люблю? – в изумлении спросил он.

– Я просто пытаюсь объяснить тебе свои чувства. Ты так настойчиво хотел добиться объяснений, хотя и говорил, что тебе все равно.

– Так, значит, ты себя убедила в том, что я тебя не люблю? – повторил он невозмутимо, сложив на груди руки.

– Я думаю, у нас обоих было слишком мало времени на то, чтобы полюбить друг друга или хотя бы просто узнать, – ответила Линдсей. – Мы были знакомы неделю...

– Три месяца.

– Неделю до свадьбы, – поправила себя она. – И это была неделя, вырванная из настоящей жизни.

– Может, и так, – сказал Антониос. – Но я знал тебя. По крайней мере, думал, что знаю. Но, наверное, ты права, потому что та женщина, которую я знал, не бросила бы меня так, как это сделала ты.

– Тогда получается, ты меня не знал, – возразила Линдсей, и Антониос повернулся к ней, сощурившись.

– Ты что, что-то от меня скрываешь?

– Я...

Линдсей сделала глубокий вдох. Рассказать ему сейчас, объяснить? Зачем? Их брак не оправдал надежд, и ее уход стал финальной точкой. Но прежде, чем она набралась мужества что-то сказать, Антониос отвернулся.

– Мне все равно, – ответил он. – Не имеет значения.

Антониос сидел в роскошном салоне самолета с нетронутым бокалом шампанского на столике, мысли его метались вокруг вопросов, которые он раньше никогда себе не задавал и не хотел это делать сейчас. Каковы бы ни были причины у Линдсей для ухода, она сама выбрала разрыв, написав ему письмо.

«Дорогой Антониос, прости, но я не могу вернуться в Грецию. Наш брак был ошибкой.

Линдсей».

Прочитав его в первый раз, Антониос подумал, что это какая-то шутка. Двое суток назад они полночи занимались любовью, и Линдсей пылко обнимала его, а прощаясь, страстно поцеловала. Неужели уже тогда она знала, что уезжает навсегда?

Ему не хотелось в это верить, и поначалу предположения были самыми невероятными: письмо написал кто-то другой, ревнивый соперник или кто-то из его или ее родных. Он

придумывал сценарии, достойные того, чтобы стать мелодрамой, – а в реальности все оказалось совсем иначе. Реальностью стал его звонок Линдсей в тот же день – когда голосом, лишенным всяких эмоций, она повторила ему то же самое, что было в письме. Может, он тогда и повесил трубку первым, но лишь оттого, что Линдсей не очень-то старалась объяснить свое решение. Вообще ничего не сказала, кроме того, что он уже успел прочитать: что их брак был ошибкой.

Изумление переросло в гнев, а тот, в свою очередь, уступил место холодной ярости – ничего подобного Антониос раньше не чувствовал – даже узнав о предательстве отца. Как такое могло произойти – он ведь любил Линдсей! Представил ее родным, как свою невесту, не обратив внимания на их смятение и забыв о том, что знакомы они были всего неделю. Осыпал драгоценностями и покупал новую одежду. Хранил ей верность и всячески демонстрировал свою привязанность – а теперь она говорит, что все это ошибка?

В ярости он повернулся к ней и невольно залюбовался нежным бледным лицом, изящным изгибом шеи, светлым локоном, упавшим на нее. Тогда, в Нью-Йорке, увидев девушку впервые, Антониос был очарован: незнакомка показалась ему прекрасной, точно фея из сказки, со светлыми волосами и серыми лучистыми глазами – он называл ее Снежной Королевой.

– Ты собиралась уехать навсегда? – внезапно спросил он резким голосом, вспоминая ее прощальный поцелуй и то,

как она нежно обвила его шею руками. – Тогда, уезжая из Греции в Нью-Йорк якобы ненадолго?

Линдсей заметно напрыглась.

– Это имеет значение?

– Для меня – да.

Линдсей вздохнула:

– Ну что ж – да, я знала.

Слова эти больно ранили Антониоса – точно ему нанесли удар в самое сердце.

– Так, значит, ты лгала мне.

– Я же не сказала, когда вернусь, – устало и грустно ответила она.

– Но ты не сказала, что уезжаешь навсегда. Ты вела себя так, будто любишь меня.

Антониос отвернулся, не желая показывать ей свои эмоции. Линдсей не смотрела на него, но он все равно не хотел чувствовать себя уязвимым перед ней. Он с трудом вымолвил:

– Почему?

Линдсей не ответила.

– Почему, Линдсей? – настойчиво повторил он. – Почему ты не сказала, что хочешь уехать, что ты несчастна...

– Я пыталась сказать тебе все, но ты не слушал. Ты никогда меня не слушал.

– О чем это ты? – требовательно спросил Антониос. – Ты никогда не говорила, что тебе что-то не нравится...

Линдсей покачала головой:

– Не хочу снова начинать этот разговор, Антониос. Это бессмысленно. Если хочешь объяснение, могу сказать тебе еще вот что: я никогда тебя не любила по-настоящему.

С трудом обретя дар речи, мужчина поинтересовался:

– Зачем тогда ты вышла за меня замуж?

– Потому что я думала, что люблю тебя. Убедила себя, что наши чувства реальны. – Линдсей повернулась к мужу, и Антониос с нарастающим изумлением увидел в ее взгляде ярость и отчаяние. – Неужели ты не понимаешь? Мой отец умер всего несколько недель назад, и в Нью-Йорк я отправилась, чтобы сбежать от горькой правды жизни, от одиночества и горя. Бродила по улицам, полностью отрешившись от всего вокруг, мне было так печально и так хотелось поддаться очарованию этого города. А потом я встретила тебя, и ты сказал мне, что не знаешь, куда идти, и, посмотрев в твои глаза, я поняла, что ты единственный из всех увидел меня – такой, какой я была на самом деле, хотя даже я сама не знала, кем была в тот момент.

Высказавшись, Линдсей откинулась на спинку сиденья, лицо ее еще больше побледнело, грудь вздымалась, она с трудом переводила дыхание. Антониос не знал, что сказать, но наконец вымолвил внезапно севшим голосом:

– Но это было реальностью.

– Нет, не было, Антониос. Это была сказка. Мы просто играли в любовь: алые розы, танцы до полуночи, номера-пент-

хаусы в роскошных отелях. Это было чудесно, волшебно, но это не было настоящей жизнью.

– Но ведь это было...

– Настоящая жизнь началась с приездом в Грецию, – безапелляционно оборвала его Линдсей. – Тогда я поняла, как на самом деле ты живешь.

Линдсей прикусила губу и отвернулась к окну, и Антониос понял, что она старается скрыть свои эмоции, точно так же, как делал он. Ярость в нем начала отступать, и осталась лишь растерянность.

– Линдсей... – Положив руку ей на плечо, Антониос снова почувствовал, какая она хрупкая и маленькая, – Я не понимаю.

Сдавленно усмехнувшись, она вытерла глаза.

– Я знаю, Антониос, ты никогда меня не понимал. Но сейчас слишком поздно – для нас обоих. Ты тоже все понимаешь, так что давай просто прекратим этот разговор.

Подошла стюардесса, чтобы забрать нетронутые бокалы с шампанским и подготовить пассажиров к взлету. Линдсей воспользовалась моментом, чтобы стряхнуть руку мужа с плеча и вытереть слезы. Когда она повернулась к своему спутнику, лицо ее было непроницаемым и сосредоточенным.

– Прошу тебя, давай просто сконцентрируемся на полете.

Глава 3

Как только на экранах померкла надпись о необходимости держать ремни пристегнутыми, Линдсей встала и поторопилась в ванную. Она была так подавлена, что едва замечала роскошь просторной комнаты, элегантное ее убранство, хрустальную вазу с розами у раковины. Положив ладони на мраморную стойку, она медленно вздохнула – вдох, выдох, и так несколько раз – чтобы унять бьющееся сердце.

Она немного сказала Антониосу, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя уязвимой – беседа их подорвала все душевные силы. И теперь было совершенно неясно, как прожить рядом с ним целую неделю, да еще и на глазах у его родных, разыгрывая спектакль «Счастливая пара».

Прижавшись лбом к холодному зеркалу, Линдсей еще немного постояла, стараясь дышать размеренно. Сейчас нельзя паниковать – иначе повторится тот кошмар, что был в Греции, когда страх завладел всем ее существом.

Глубоко вздохнув, Линдсей брызнула на себя водой и промокнула лицо. Бросив последний взгляд на себя в зеркало – ух, какая она бледная! – девушка повернулась и направилась к своему месту.

За время ее отсутствия стюардесса принесла обед, и на столике, накрытом скатертью, лежали льняные салфетки, а рядом с нагретыми тарелками, накрытыми серебряными ку-

полообразными крышками, сверкали хрустальные бокалы с вином. Линдсей уставилась на все это великолепие, невольно вспомнив, как они летели в первый раз в Грецию и как восторгалась она тогда этой роскошью. Тогда они с мужем ворковали, точно парочка голубков, склонив головы друг к другу, болтая и смеясь, и лучились счастьем. Теперь же между ними повисло напряженное молчание.

Линдсей присела, и Антониос указал на накрытый стол.

– Не знал, что ты предпочтешь, поэтому заказал несколько блюд.

– Я уверена, что они все вкусные, – ответила девушка, думая о том, что есть совершенно не хочется.

Ее спутник приподнял крышку на одном из блюд, и взору открылся бифштекс с винно-красным соусом. Расправляя салфетку на коленях, Линдсей вдруг почувствовала острое отвращение к еде.

– Ты не голодна? – спросил Антониос, привычно приподнимая бровь.

– Нет.

– Но тебе необходимо есть, чтобы поддерживать силы.

Да, он прав, сил у нее почти не осталось. Линдсей поднесла вилку ко рту и начала жевать, не ощущая вкуса того, что она ест. Антониос не преминул это отметить, саркастически бросив:

– Недостаточно вкусно?

Она закатила глаза.

– Не начинай, Антониос.

– Мне просто интересно, как, имея в своем распоряжении такую роскошь, ты ухитрилась почувствовать себя несчастной.

– Жизнь – это не только роскошь. Это еще и внимание, поддержка и забота любимого.

Линдсей осеклась, понимая, что сказала слишком много – а ведь она дала себе зарок не спорить больше.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что была лишена всего этого?

– Конечно, была. Ты не давал мне всего этого в том объеме, в котором я нуждалась.

– Ты никогда не говорила мне, что именно тебе нужно.

– Я пыталась, – устало возразила Линдсей.

– Когда ты пыталась?

– Бесчисленное количество раз. Мне было некомфортно на вечеринках, тем более что я играла роль хозяйки.

Антониос нахмурился, и Линдсей поняла, что он даже не помнит те беседы, что давались ей с таким трудом. Наконец он ответил:

– Я тебе говорил, что со временем все наладится. Что нужно лишь познакомиться с людьми.

– А я говорила, что для меня это трудно.

Мужчина пожал плечами, как он делал и раньше.

– Это не причина для разрыва брака, Линдсей. Ты что, хочешь сказать, что ушла от меня потому, что тебе не нра-

вились вечеринки?

– Нет. – Она глубоко вздохнула. – Я ушла, потому что ты никогда не слушал меня. Бросил меня в Греции, точно очередной чемодан, привезенный из поездки, о котором ты ни разу не вспомнил.

– Мне нужно было работать, Линдсей.

– Поверь, я знаю. Работа была для тебя всегда на первом месте.

– Но раньше ты не очень-то этим тяготилась.

Линдсей усмехнулась, и смех прозвучал резко и пронзительно.

– Ты не меняешься, да? Я пытаюсь тебе рассказать о своих чувствах, а ты настаиваешь на том, что я не могла испытывать ничего подобного. Вот почему я уехала, Антониос – потому что та жизнь, настоящая, оказалась совершенно иной, нежели сказка, которую мы вместе создали в Нью-Йорке. И это сделало меня несчастной.

Антониос нахмурился.

– Что ты имеешь в виду?

– Не важно, – бросила Линдсей.

Она никогда не рассказывала мужу о матери, и не станет сейчас. Есть в жизни вещи, о которых лучше промолчать, а еще лучше – забыть. У Линдсей ком застрял в горле. Ей нельзя плакать – не сейчас, в самолете, на глазах у Антониоса.

– Боже, Линдсей, если ты собираешься молчать, как вообще я должен понять тебя?

– Я не хочу, чтобы ты меня понимал, Антониос, – глухо ответила она. – Уже не хочу. Все, что мне нужно, – это развод. И, полагаю, ты меня в этом поддержишь. – Она прерывисто вздохнула. – Неужели тебе нужна жена, которая тебя бросила, потому что прошла любовь?

Глаза Антониоса гневно сверкнули, губы сжались, стало ясно, что удар достиг цели.

Мужчина наклонился к Линдсей и произнес:

– Мне напомнить тебе, как ты любила меня, Линдсей? Каждую ночь в Нью-Йорке и в Греции.

Внезапно Линдсей ощутила горячую волну желания, окатившую ее и заглушившую даже боль.

– Я сейчас говорю не о постели, Антониос.

– Конечно, ты ведь отвечала мне взаимностью – хотя, по твоим словам, ты «тонула» в чем-то там.

Его голос лишь усилил томящийся в теле жар: не стоило отрицать того, что секс всегда был сильной стороной их брака.

Вдруг Линдсей почувствовала, как мужская рука легла на ее колено, и резко открыла глаза.

– Что?..

– Вот лед и тронулся, – тихо произнес Антониос, и голос его ласкал ее слух.

Пальцы его уверенно скользнули выше, и она замерла, прочитав в его взгляде настойчивость.

– Я знаю, как к тебе прикасаться, Линдсей. Знаю, как за-

ставить тебя закричать. А ты ведь выкрикивала мое имя, ты помнишь?

Кровь прилила к ее лицу, и ей пришлось собрать всю волю, чтобы не отреагировать на его ласку.

– Не надо, – прошептала она, не узнавая собственный голос, прозвучавший так слабо и робко.

– Что не надо? – спросил он по-прежнему тихо, но Линдсей почувдились угрожающие нотки.

– Не прикасаться к тебе?

С этими словами рука его скользнула выше и легла между ее ног. Ощущая жар его ладони сквозь ткань джинсов, Линдсей едва не застонала, ощущая, как пульсирует кровь в венах.

– Что ты хочешь доказать, Антониос? – вымолвила она, отчаянно желая, чтобы тело не реагировало на его ласки. – Что я по-прежнему хочу тебя? Ну что ж – считай, что тебе это удалось. Я всегда тебя хотела. Но это ничего не меняет.

– Не может быть, – ответил мужчина, расстегивая пуговицу на ее джинсах.

Его ладонь скользнула внутрь, и Линдсей почувствовала между ног его пальцы – ощущение было таким ярким, что она застонала, невольно закрыв глаза и приподнимаясь на сиденье.

Откинувшись на спинку кресла, она позволила себе погрузиться в воспоминания. Да, Антониос всегда знал, как ее приласкать, как доставить ей наслаждение. И сейчас ему это

удалось без труда, но ласки были тщательно выверенными, в них не было подлинной нежности. С трудом заставив себя открыть глаза, Линдсей посмотрела в его довольное лицо и произнесла слова, которые должны были внушить мужу отвлечение:

– Да, ты можешь доставить мне незабываемый оргазм, но полюбить тебя по твоему приказу я не смогу.

Антониос замер, в мгновение расстегнул ремень и исчез за занавесками салона.

Линдсей откинулась на спинку кресла, едва сдерживая слезы и ощущая глухие удары сердца.

Антониос прошел салон первого класса и остановился в проходе, отделявшем его от бизнес-класса, глядя в окно, за которым темнела нескончаемая ночь. Он чувствовал себя загнанным в угол, рассерженным – ему казалось, что он поступил низко и подло, воспользовавшись желанием Линдсей, ее телом.

Чего он пытался добиться? Доказать ей, что она что-то к нему чувствует? Но теперь он сам уверил жену в отсутствии каких-либо чувств и хотел, чтобы так и было, – все эти шесть месяцев усердно убеждая себя, что все кончено. Каких усилий ему стоило разыгрывать перед родными этот гнусный спектакль, убеждая их, что в его семейной жизни все прекрасно! Но он не мог поступить иначе – это делалось только ради матери, и, пожалуй, еще ради сохранения чувства соб-

ственного достоинства.

А может, он просто надеется вернуть Линдсей – как бы по-дурацки это ни выглядело? Потому что они любили друг друга и дали друг другу обет хранить эту любовь.

Антониос понимал, что пора прекратить эти бессмысленные метания в поисках ответа – который вряд ли придется ему по вкусу. Ведь то, что сказала Линдсей, объясняя свой уход, было просто смешно – да, он много работал и не всегда мог уделять ей внимание, но разве это причина для разрыва брака?

Сурово сжав губы, мужчина направился к своему месту.

Линдсей успела оправиться, застегнуть джинсы и сидела, отвернувшись к окну. Она не обратила внимания на возвращение своего спутника, будто тот был пустым местом.

– Прости, – тихо произнес Антониос. – Не нужно мне было этого делать.

Она молчала, и он воскликнул:

– Линдсей!..

– Оставь меня в покое, Антониос, – оборвала его она, и голос ее был печальным и надломленным. – Мне и так придется пережить непростые дни, притворяясь ради твоей семьи, что мы влюбленная пара.

Мужчина смотрел на жену, и ему отчаянно хотелось протянуть к ней руку и заправить выбившийся локон за ухо, провести пальцами по нежной щеке, утешить ее. Но он понимал, что Линдсей не нужно его утешение.

– Я собираюсь поспать, – сказала она и, не глядя на мужа, сняла обувь, взяла маску для глаз, откинула сиденье и укрылась одеялом. Надев маску, она окончательно отгородилась от Антониоса.

Лежа на откинутаом сиденье с закрытыми глазами, Линдсей напрасно заставляла себя заснуть: ничего не вышло. Ее обуревали эмоции – сложная смесь гнева, сожаления, чувства вины и боли. Тело все еще ощущало прикосновение рук Антониоса.

«Забудь обо всем, – повторяла она себе. – Просто нужно пережить эту неделю».

Но при мысли об этом ее охватывал ужас: как она сможет это сделать? Даже когда она полагала, что они с мужем любят друг друга, жить в Греции было просто невыносимо. А теперь, когда он разозлен на нее и презирает, а она так безнадежно расстроена, у нее точно ничего не выйдет.

Линдсей сдернула маску, приготовившись к нелегкому разговору, но перехватила взгляд мужа, направленный на нее – в нем было столько нежности, отчаяния и неприкрытого желания, – и не смогла ничего сказать. Слезы защипали глаза, и ей захотелось броситься к нему.

– Антониос...

Лицо его тут же напряглось, все чувства, столь явно читаемые на нем, исчезли, губы сжались в полосу.

– Да? – отозвался он.

– Я... – Линдсей задумалась, что сказать.

«Не смотри на меня так, будто ненавидишь»? Но сейчас в его взгляде читалось совсем другое – казалось, он до сих пор ее любит. Но это не так, Антониос же даже не знает ее – ее настоящую. И она его не любит. Не может его любить.

– Ничего, – прошептала девушка.

– Поспи немного, – произнес муж, отворачиваясь от нее. – Завтра будет долгий день.

Они прилетели в Афины в одиннадцать утра. Небо было пронзительно-голубым, воздух – сухим и теплым. Погода так отличалась от сырой и холодной осени к северу от Нью-Йорка! Линдсей одолели печальные воспоминания: в первый раз, когда они прилетели в Грецию, их в аэропорту ждал лимужин с розами. Всю дорогу до виллы, располагающейся в горах в центре страны, Антониос обнимал ее и целовал, и она была очарована этой непрекращающейся сказкой.

Лишь когда машина свернула на изгибающуюся подъездную аллею, окаймленную деревьями, и затормозила перед величественной виллой, окруженной другими хозяйственными постройками, Линдсей поняла, что это не имеет ничего общего с ее мечтами, в которых они с Антониосом жили в миллом, укрытом от посторонних взглядов домике. В имении, кроме него самого, проживали его мать и брат, Леонидас, две незамужние сестры, целая армия слуг – Вилла Маракайос не была милым домиком с крышей из красной черепицы и деревянными крашеными ставнями, как наивно представляла

себе она. Это был целый комплекс, город, индустриальное поселение. И когда Линдсей вышла из лимузина, яркий солнечный свет не оставил шансов ее надеждам на укромный уголок – взоры всех жителей этого комплекса устремились на нее.

И она вспомнила свой давний кошмар.

Перед виллой стояли все: родные, друзья, персонал, работающий на предприятии, и прислуга. Все они смотрели на нее, некоторые перешептывались и даже показывали на нее пальцем – у Линдсей захватило дух. Муж, поддерживая за локоть, подвел ее ближе, и на нее нахлынула волна паники, грудь словно сдавило обручем – она не испытывала ничего подобного уже давно, с самого детства. Но сейчас самые страшные воспоминания нахлынули на Линдсей, окутывая ее ужасом. Мать тогда тоже подталкивала ее в комнату, где сидели ее коллеги-ученые, и говорила: «Ну же, Линдсей, прочитай нам что-нибудь».

Иногда ей удавалось вспомнить какие-то строки из стихотворения, которое мать заставляла учить, а иногда память подводила – и тогда, недовольно сжав губы, мать выпроваживала ее из комнаты. Однажды она точно так же выпроводила дочь из своей жизни, сказав: «Я разочарована в тебе». Тогда, стоя в ослепительном солнечном свете и ощущая на себе взгляды всех присутствующих, Линдсей вдруг вспомнила это все, испугалась – и упала в обморок.

Пришла в себя она уже в доме, лежа на диване, на лбу ее

лежал влажный платок, а рядом улыбалась женщина с белыми волосами и добрым взглядом.

– Это все солнце, – произнесла она, прижимая платок ко лбу девушки. – Здесь, в горах, оно просто беспощадно.

– Да, – прошептала Линдсей. – Солнце.

И сейчас, пройдя таможеню и получив багаж, она села на место пассажира в массивном внедорожнике и подумала: «Интересно, Антониос помнит, что произошло?» Тогда он поверил матери, приписав обморок беспощадному горному солнцу, а Линдсей была слишком перепугана, чтобы рассказать, что было на самом деле.

А сейчас ей предстоит вновь предстать перед всей семьей мужа – уже через три часа.

Они выехали из Афин, прорвавшись сквозь утренние пробки, и устремились на север по автомагистрали к Амфиссе – ближайшему городу к вилле Антониоса.

– Антониос, – хрипло произнесла она, и муж скосил на нее глаза, не отрываясь от дороги.

– В чем дело?

Главное – дышать ровно.

– Может быть... можно приехать на виллу тихо, без излишней суеты? Я имею в виду, чтобы никто не ждал нас...

Линдсей заставляла себя повторять мерные вздохи, пока сердце не перестало биться так быстро.

– Но главное в том, – заметил Антониос, – что люди должны видеть тебя, а ты – их, мы для того туда и едем. Никто

ведь не подозревает, что в наших отношениях что-то не так,
Линдсей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.